

М.В. Михайлова

Гибель Атлантиды, или Новые мифы

Имя Ивана Алексеевича Новикова (1877-1959) у современного читателя ассоциируется только с его дилогией «Пушкин в изгнании», издававшейся неоднократно. Однако его наследие неизмеримо более объемно, причем большая часть его неизвестна современному читателю¹ главным образом потому, что сам Новиков в советское время предпочитал творить собственный миф о себе как писателе новой социалистической эпохи, умудренном пушкинисте, добропорядочном переводчике «Слова о полку Игореве». О своем символистском прошлом он предпочитал также не упоминать, как и о своей прозе начала 20-х годов, демонстрирующей несогласие с происходящим на его родине.

Гибель старого мира Новиков сравнил с гибелью Атлантиды² и в рассказах, написанных на переломе 20-х годов, попытался осмыслить все последствия этого явления. Своей повести «Миф», написанной в 1922 г., Новиков дал подзаголовок «Явь и фантастика». И действительно, писатель не создавал, пожалуй, никогда произведения более причудливого, фантасмагоричного, двоящегося, просвечивающего многими смыслами, воссоздающего прошлое и обращенного к будущему, трактующего библейские предания и отсылающего к греческой мифологии. Здесь властвует романтическая поэтика контрастов, разрабатываются сюжеты, бытовавшие в романтической литературе, появляются герои, имеющие прародителей в рассказах о вурдалаках, утопленниках, увлекающих за собой мертвецах, едва ли не каннибалах... Все это привлечено с целью ответить на вопрос: «Что страшнее? Послереволюционная действительность, расплющивающая человека, или фантастические сновидения, населенные полулюдьми-полуживотными?». И Новиков подсказывает ответ. Сказав, что люди, обреченные получать ежемесячно лишь фунт мыла, полфунта кофе и полпуда селедки, превращается в «голодную стаю», он заявляет: «Зачем еще сон? Неужели мне еще не довольно действительности?» (С. 155)

И, конечно, как обычно в произведениях Новикова, созданных на переломе 20-х годов, речь идет о крутых поворотах истории, о грозных предзнаменованиях, о борьбе добра со злом, завершения которой не предвидится. Как итоговое умозаключение воспринимаются слова героя, в котором угадываются автобиографические черты: «... кто ж победил – победит? – а ежели вечность тем и стоит, что вечно «ничья»? – или «все это одно» /.../?» (С. 217). Эти слова

---

¹ Только недавно состоялось переиздание его произведений «символистского ряда»: Новиков И.А. Золотые кресты. Мценск, 2004; Новиков И.А. Святому Духу. Дыхание Земли. Мценск, 2006.

² См. Новиков И.А. Вишни. М., 1927. С. 188. Далее ссылки даются по этому изданию с указанием страницы в скобках.

можно проинтерпретировать как бесконечное столкновение зла и добра в душах людей, а в итоге «все в этом мире выходит вничью» (С. 183).

Особенностью этого произведения становится вплетение бытовых подробностей, реалистической картины жизни героя за пределами Москвы осенью 1920 года в ирреальную картину страстей, отношений, связывающих людей, которые пребывают с ним одновременно в том же времени и пространстве. Это сестры Литовцевы – Анна и Ксения, старик Липатыч, Кирилл Николаевич, у которого герой ненадолго нашел приют, профессор древних языков Мамант, сосед по московскому дому, вернувшийся зачем-то из эмиграции в сой разоренный дом барин Малютин, мелкий почтовый чиновник, безымянный кавалерист – бывший офицер Генерального штаба. Но одновременно в них просвечивают и черты людей, живших прежде, или они дублируют «повадки» и поведение литературных персонажей. В сестрах Литовцевых для автора, уже начавшего свое многолетнее исследование творчества Пушкина, проступают черты сестер Гончаровых. Но при этом в старшей, Анне, носящей траур по убитому на фронте дяде, видятся ему и черты «неизъяснимо волнующей пленительной прелести донны-монашки, строгой вдовы, черного угля, внутри затаившего горячий огонь» (С. 172), за что и прозвали ее донной. Анна (разрядка автора. – М.М.). Младшая, Ксения, чаще предстает в образе деревенской резвухи Аксюши, хотя ей и присущ невидящий, как у птиц, «живущих в горах и слепимых голубым океаном пространства» (С. 196), взгляд. В других действующих лицах повести – проявляются либо исторические, либо мифические образы. Так, в помещике Малютине угадывается рыцарь, демон, дьявол, титан, маг, волшебник, но он же и Каменный гость, что напрямую соотносится с именем донны Анны, вписывая обоих героев в контекст пушкинской трагедии, где он – провозвестник гибели. Хозяина же своего герой-повествователь легко представляет шагающим в кардинальской пурпурной мантии по фигурным плитам монастырского двора. Автор не ограничивает себя обращением к одной какой-нибудь мифологической системе, он свободно варьирует и соединяет христианские источники и элементы греческой истории. А от имени, которым он наделяет Малютина – Густав, – веет чем-то средневековым, эпохой крестовых походов, алхимическими опытами...

В шутильной форме Новиков дает представление о допустимости «смешения» различных мифологических систем в витиеватой, несколько косноязычной болтовне подвыпившего почтового чиновника, который легко от рассуждений о «золотом винограде», что «рождал на острове Греции нимф, так сказать ... прошу извинить полногрудых.... то есть молочно-грудых хотел я сказать ... то есть, не то, а собственно кожа молочных оттенков ... и прочее все», переходит рассказу о яблонях, которые «заметьте себе», «по хронологии, старейшее дерево. Крикните: дерево! – и услышите точный ответ: Ева-с! Ной же упившийся – это уж вам не Адам-